

- Ефремов С.А.** Погребальный обряд алтайских племен в XI–XIV вв. // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. – Новосибирск: Наука, 2002. – Т. 5. – С. 99–109.
- Иванов В.А., Кригер В.А.** Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). – М.: Наука, 1988. – 96 с.
- Илюшин А.М.** Курганы средневековых кочевников долины реки Бачат. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1993. – 116 с.
- Илюшин А.М.** Басандайская этнокультурная общность на территории Верхнего Приобья в период развитого средневековья // Этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 1998. – С. 91–94.
- Илюшин А.М.** Население Кузнецкой котловины в эпоху развитого средневековья (по материалам раскопок могильника Торопово-1). – Кемерово: Изд-во Кузб. гос. техн. ун-та, 1999. – 208 с.
- Илюшин А.М., Сулейменов М.Г.** Курганный комплекс Мусохраново-3 // Вопросы археологии Северной и Центральной Азии. – Кемерово; Гурьевск: Изд-во Кузб. гос. техн. ун-та, 1998. – 286 с.
- Кузнецов Н.А.** Курганы с подбоем в Кузнецкой котловине // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении: Западная Сибирь и сопредельные территории: Материалы XII Зап.-Сиб. археол.-этногр. конф. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2001. – С. 42–44.
- Кунгуров А.Л.** Два погребения с могильника 1 МГК-1 // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1993. – Ч. 2. – С. 220–225.
- Макарова Т.И.** Украшения и амулеты из лазурита у кочевников X–XI вв. // АСГЭ. – 1962. – № 6. – С. 85–91.
- Матюшенко В.И., Старцева Л.М.** Еловский курганный могильник эпохи железа // Вопросы истории Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1970. – Вып. 5. – С. 152–174.
- Могильников В.А.** Об этническом составе населения Среднего и Верхнего Приобья в I тыс. н.э. // Народы и языки Сибири. – Новосибирск: Наука, 1980. – С. 242–248.
- Могильников В.А.** Особенности культуры населения тюркского времени Кулундинской степи // Историография и источники изучения исторического опыта освоения Сибири: Тез. докл. и сообщ. Всесоюз. науч. конф. – Новосибирск: ИИФФ СО АН СССР, 1988. – Вып. 1: Досоветский период. – С. 64–66.
- Могильников В.А.** Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. – М.: Наука, 2002а. – 362 с.
- Могильников В.А.** Своеобразие локальных регионов сродкинской общности в связи с проблематикой этногенеза тюркоязычных народов Западной Сибири // Тюркские народы: Материалы V Сиб. симп. “Культурное наследие народов Западной Сибири” (9–11 декабря 2002 г., Тобольск). – Тобольск; Омск: Ом. гос. пед. ун-т, 2002б. – С. 74–77.
- Неверов С.В., Горбунов В.В.** Сродкинская культура (периодизация, ареал, компоненты) // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении: Западная Сибирь и сопредельные территории: Материалы XII Зап.-Сиб. археол.-этногр. конф. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2001. – С. 176–178.
- Новиков А.В.** Могильник начала II тыс. н.э. близ с. Ташара // Сибирские татары: Материалы I Сиб. симп. “Культурное наследие народов Западной Сибири”. – Тобольск; Омск: Ом. гос. пед. ун-т, 1998. – С. 50–51.
- Овчинникова В.Б.** Древнетюркские захоронения в подбоях в Центральной Туве // Древний и средневековый восток: История и филология (проблема источниковедения). – М.: Наука, 1984. – С. 215–223.
- Плетнева Л.М.** О басандайской культуре // Культурно-генетические процессы в Западной Сибири: Тез. докл. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1993. – С. 42–43.
- Плетнева Л.М.** Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1997. – 350 с.
- Плетнева С.А.** Древности черных клобуков. – М.: Наука, 1973. – 96 с.
- Поздняков Д.В.** Антропологический состав населения Западной и Южной Сибири во второй половине I тыс. н.э. – первой половине II тыс. н.э.: Дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2004. – 333 с.
- Росляков С.Г.** Культурная характеристика погребальных памятников Новосибирского Приобья в начале II тыс. н.э. // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении: Западная Сибирь и сопредельные территории: Материалы XII Зап.-Сиб. археол.-этногр. конф. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2001. – С. 188–190.
- Савинов Д.Г.** Государства и культурогенез на территории Южной Сибири в эпоху раннего средневековья. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1994. – 216 с.
- Савинов Д.Г.** Могильник Калтышино-1: (Новые материалы по археологии начала II тыс. н.э.) // Памятники раннего средневековья Кузнецкой котловины. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997. – С. 77–99.
- Савинов Д., Теренин В.** Алтайские находки // Декоративное искусство СССР. – 1972. – № 10. – С. 46–47.
- Степи Евразии в эпоху средневековья / А.К. Амброз, В.Б. Ковалевская, И.Л. Кызласов, Л.Р. Кызласов, Н.А. Мажитов, В.А. Могильников, С.А. Плетнева, А.П. Смирнов, Г.А. Федоров-Давыдов.** – М.: Наука, 1981. – 304 с.
- Табалдиев К.Ш.** Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. – Бишкек: Айбек, 1996. – 256 с.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А.** Курганный могильник Телеутский Взвоз-1 и культура населения лесостепного Алтая в монгольское время. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2002. – 276 с.
- Троицкая Т.Н., Новиков А.В.** Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 152 с.
- Федоров-Давыдов Г.А.** Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1966. – 270 с.
- Чиндина Л.А.** Тюркские погребения Усть-Киндинского могильника // Этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий (по данным археологии): Материалы Всерос. конф. – Омск: Ом. гос. ун-т, 1992. – С. 128–132.

УДК 903.2

А.В. Бауло¹, М.Л. Истомин², Н.В. Федорова³

¹Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: baulo@archaeology.nsc.ru

²пос. Шурышкары, Шурышкарский р-н, Ямало-Ненецкий АО, Россия

³Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс
им. И.С. Шемановского, г. Салехард
Институт истории и археологии УрО РАН
ул. Р. Люксембург, 56, Екатеринбург, 620026, Россия
E-mail: mvk-fedorova@mail.ru

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ БРОНЗОВЫЕ ИЗДЕЛИЯ: НОВЫЕ НАХОДКИ НА СЕВЕРЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Введение

В последние годы на севере Западной Сибири найдено немало разнообразных художественных бронзовых изделий эпохи средневековья. К сожалению, далеко не все они опубликованы: можно упомянуть неизвестные широкому кругу исследователей блестящие коллекции бронз в музеях пос. Аксарка Приуральского р-на и пос. Мужы Шурышкарского р-на Ямало-Ненецкого АО. Вместе с тем максимально полная публикация находок необходима для решения принципиальных вопросов: создания типологии бронзовых артефактов, определения места и времени их производства, путей распространения и, в конечном счете, уровня развития культуры в регионе в эпоху средневековья. Задачей статьи является введение в научный оборот бронзовых изделий, найденных в 2002–2004 гг. на территории западной части Ямало-Ненецкого АО. Авторы отдают себе отчет в том, что вещи происходят из случайных сборов, а не являются атрибутами археологических памятников со всеми вытекающими отсюда последствиями – невозможностью датировки по комплексу сопутствующих артефактов, трудностями в определении назначения предметов и т.д.

Вещи из этнографических сборов

1. Антропоморфная личина. Пос. Зеленый Яр (р. Полу). Здесь на чердаке одного из домов в священном

сундучке хантов находилась фигура семейного духа-покровителя в одежде из куска пестрой ситцевой ткани; на ее шее были завязаны красная и зеленая ленты, а также привязана двухкопеечная монета выпуска 1955 г. [Бауло, 2004, с. 92, рис. 3]. Лицо божества было обозначено бронзовой антропоморфной личиной эпохи средневековья.

Личина плоская, овальная, причем овал несимметричный. Размеры 8,7×7 см (рис. 1). Внизу личины остатки металла в литнике, имитирующие шею антропоморфного персонажа. Отлита из белой бронзы, заливка металла производилась снизу, от “шеи”. Можно предположить, что эта отливка была первой или одной из первых в данной форме – грани деталей изображения очень четкие. На обороте фиксируется “песчанистая” структура формы. Изделие согнуто по длинной оси овала, так что посередине этой оси прослеживается заметное ребро. Личина представляет собой изображение человеческого лица в фас. Резко очерченные брови нависают над круглыми, близко посаженными глазами, переданными кольцевыми желобками. Нос показан прямым валиком. Рот маленький в виде углубленной узкой восьмерки, внутри петель которой слабо заметны выпуклые кружки. По краю личины изображены две зооморфные фигуры, соприкасающиеся вверху раскрытыми пастьми. Их тела орнаментированы такими же кольцевыми желобками, как глаза; длинные хвосты, украшенные овальными углублениями, соприкасаются у “подбородка” личины. На оборотной стороне изделия негатив изоб-

ражения носа. На уровне надбровных дуг личины с двух сторон отверстия для крепления.

Впервые антропоморфные фигуры, фланкированные изображениями двух животных с раскрытыми пастьми, которыми они соприкасаются над головой фигуры, появляются в III–IV вв. [Зыков, Федорова, 2001, с. 102, 106]. Ранее они не известны. Зато в различных вариантах встречаются во второй половине I тыс. н.э.: фигура с изображениями двух животных по бокам, найденная в Савинском кургане [Финноугры..., 1987, с. 326, табл. LXXVIII, 60], изображение воина в шлеме и поясе, фланкированного двумя зверями, из сборов Б.И. Василенко в районе пос. Кушеват [Сокровища Приобья, 1996, с. 54], бронзовая пластина в виде личины с изображениями двух животных по бокам с р. Сыня [Тыликова, Бауло, 2001, с. 129, рис. 1]. Иногда эта композиция принимает форму круга: сильно стилизованные изображения животных, раскрытые пасти которых смыкаются в верхней части композиции, образуют окружность, а антропоморфная личина находится в центре (могильник Барсовский I) [Зыков и др., 1994, с. 83, рис. 72]. Изображения животных с открытыми, соприкасающимися пастьми, стоящих вертикально или наклонно, иногда опирающихся на какой-нибудь стержень или некую стилизованную фигуру, встречаются на рукоятках биметаллических кресал [Там же, с. 89–90]. В целом можно отметить, что сюжет “антропоморфная фигура или личина, фланкированная двумя животными”, появившись не ранее III–IV вв., исчезает к концу I – началу II тыс. Вариант, представленный находкой из Зеленого Яра, скорее всего, относится к VIII–IX вв.

2. Изображение рыбы, XI–XII вв. (рис. 2). Пос. Нимвожгорт (р. Сыня). Размеры 16,7×3 см. Являлось подвеской к основе фигуры хантыйского поселкового духа-покровителя, которая представляла собой большую литую русскую медную бляху XVIII в. со сценой охоты [Бауло, 2004, с. 92, рис. 4].

Фигурка рыбы выпуклая с внешней стороны и вогнутая с внутренней, отлита из белой бронзы. Литейная форма двусторонняя, в нижней части ее дефект – возможно, трещина, в которую затек металл, образовав с внутренней стороны нечто вроде шва (с внешней стороны не фиксируется). Залив металла производился с головы фигурки, там в литейном шве сохранился его остаток. Обе стороны отливки гладкие, внешняя после отливки, скорее всего, полировалась. Остатки металла в литейных швах не зачищены.

Рыба изображена в проекции сверху (нос слегка приподнят), по контуру обведена углублением. Конкретный прототип не угадывается. Глаза переданы кольцевыми желобками. Немного ниже их начинается и идет до самого хвоста линия выпуклых прямоугольников по центру фигурки, от которых в обе стороны отходят короткие углубления, расположенные

Рис. 1. Антропоморфная личина.

Рис. 2. Изображение рыбы.

Рис. 3. Фигурки птиц.

“елочкой”, – изображение позвоночника с ребрами. Хвост оформлен легкими гранями и треугольной выемкой на конце. В голове фигурки просверлено позднее отверстие для кожного шнура.

Наиболее близким аналогом является бронзовая рыбка из пос. Оволингорт на р. Сыня [Бауло, 2002, с. 153, рис. 11]. “Позвоночник с ребрами” у нашей находки выполнен так же, как у бронзовой литой фигурки ящеровидного существа с р. Сыня [Тыликова, Бауло, 2001, с. 129, рис. 5].

3. Три фигурки птиц*. Пос. Усть-Войкары (р. Войкар). В одной из семей, проживающих в поселке, хра-

нится женский мешок для швейных принадлежностей (*тутчан*), к нынешней хозяйке он перешел по наследству от матери – Е.П. Лонгоровой, которая родилась в 1922 г. в пос. Евригорт (верховья р. Сыня). На мешке в числе других находятся четыре средневековые подвески: одна лапчатая и три фигурки птиц (рис. 3). Две из них практически одинаковые, их размеры 4×4,2 см. Отлиты в двусторонней объемной форме с сердечником, поверхность полированная. Овальные глаза обведены глубоким желобком. Крылья украшены полоской “жемчужин”. Вдоль нижнего края фигурок расположен ряд полукруглых фестонов. Лапки каплевидной формы. На спине фигурок отверстие для подвешивания. Оригинальной чертой является наличие в нижней части петель в виде широкой дуги.

Подобная фигурка птицы “с территории быв. Тобольской губернии” опубликована В.Н. Чернецовым [1957, табл. XVIII, 7], еще две использовались пимскими хантами в оформлении нагрудного украшения из бисера, которое хранится в фондах этнографического музея г. Лянтор [Хантыйский этнографический музей..., 1997].

Третья подвеска на мешке – стилизованное изображение птицы размером 2,5×2,5 см. Фигурка отлита в двусторонней форме с сердечником, полированная. Орнаментирована косыми валиками. Подобные “уточки” XIII–XIV вв. встречаются в Западной Сибири достаточно часто [Зыков и др., 1994, с. 97, № 144; Бауло, 2002, с. 153; и др.].

4. Рукоятка ножа с навершием в виде фигуры пушного зверька (рис. 4)*. Пос. Усть-Войкары. По словам жительницы поселка Е.К. Ребась, ее отец нашел около пос. Шурышкары четыре бронзовые рукоятки, две меньших размеров утераны, две большие он подарил своим дочерям, одна из них проживала в пос. Ханты-Мужи, после ее смерти след рукоятки также пропал. Длина сохранившейся рукоятки ножа 14,5 см, ширина втулки 3,3 см, длина фигурки зверька 6,6 см. Изделие овальное в сечении, отлито в объемной форме с сердечником, поверхность полированная. Нижняя часть украшена зигзагом, кантом из выпуклых прямоугольников. Выше – примерно на 4,5 см – свободное от орнамента поле, ограниченное сверху кантом из овальных “перлов” между двумя выпуклыми линиями. Навершие рукоятки выполнено в виде трех лепестков: два гладкие, с боков оформлены косыми валиками, на третьем, среднем, цепочка из шести выпуклых кружков. На лепестках, на основании, украшенном круглыми “перлами”, стоит фигура пушного зверька с длинным широким хвостом. Вся она покрыта рядами “перлов” и валиков.

* Благодарим канд. иск. Г.Е. Солдатову за указание на данные артефакты.

* Впервые о данной находке рассказала канд. ист. наук Е.А. Пивнева на научной конференции в ИЭА РАН в декабре 2003 г.

Бронзовые рукоятки с навершиями в виде животных широко представлены на памятниках севера Западной Сибири, самые ранние из них относятся к первой половине I тыс. н.э. [Сокровища Приобья, 1996, с. 51]. Изредка они встречаются даже на западных склонах Урала [Оборин, Чагин, 1988, с. 79]. Прототипом для таких наверший служили сюжеты “пушной зверь, грызущий голову травоядного” или “хищная птица, клюющая голову травоядного”, украшающие рукоятки костяных ложек из коллекции Усть-Полуя [Мошинская, 1953, с. 97–98]. В конце I – начале II тыс. н.э. их изготовление становится массовым, хотя, возможно, к данному периоду просто относится большее количество известных и раскопанных археологических комплексов. Рукоятки этого времени [Арне, 2002, с. 95; Зыков и др., 1994, с. 91, 104; Сокровища Приобья, 1996, с. 51, 59–63; Древние бронзы..., 2000, № 20; Тыликова, Бауло, 2001, с. 132, рис. 13, 14; Бауло, 2002, с. 153, рис. 12; и др.] более декоративны. “Голова травоядного” не изображается, хотя поза хищной птицы или пушного зверя сохраняется, но теперь фигура обрамляется орнаментальными лепесткообразными элементами разной длины. Рукоятки с зооморфными навершиями не встречаются после XII–XIII вв.

5. Круглая бляшка с изображениями пяти медведей (рис. 5). Пос. Зеленый Яр. Недалеко от поселка находится святое место, где установлены священные нарты двух хантыйских семей. Здесь же устроен помост, на котором стоят сундуки, скорее всего ранее хранившиеся на чердаке одного из домов в Зеленом Яре, а после смерти хозяев увезенные на святилище. В одном из сундуков лежала небольшая фигура духа-покровителя, его лицо было обозначено бронзовой бляшкой, обшитой куском красной ткани.

Бляшка диаметром 5,6 см отлита из медного сплава или меди в двусторонней форме. Фиксируются следы литейного брака – недоливы металла. Внешняя сторона бляхи полированная, по краю орнамент, имитирующий полукруглые фестоны или “перлы”. В центре выпуклая полусфера, обведенная псевдовитым кантом. Вокруг нее чередующиеся изображения пяти медвежьих голов, расположенных носами к центру, и пяти четырехпалых лап (?), направленных от центра (?). Головы с круглыми ушами, круглыми выпуклыми глазами, широкими носами. У одного изображения намечены ноздри. Обратная сторона бляхи не обработана после отливки – видны негативы изображений, находящихся на внешней стороне. По краям отлиты парные петли треугольной формы. Фиксируется залощенность от трения по меху или коже.

Похожие композиции с изображениями медвежьих голов, уложенных на лапы, встречаются на эплетообразных застегках и круглых бляхах с рубежа эр – первых веков нашей эры, например на застегке из комплекса городища (жертвенного места) Усть-Полуй

Рис. 4. Рукоятка ножа с навершием в виде фигуры пушного зверька.

Рис. 5. Круглая бляшка с изображениями медведей.

[Усть-Полуй..., 2003, с. 26]. Более близкая по типу изображения животных – застегка из коллекции Б.И. Василенко, хранящаяся в фондах Ямало-Ненецкого окружного музейно-выставочного комплекса им. И.С. Шемановского [Сокровища Приобья, 1996, с. 52].

Рис. 6. Эполетообразная застежка с изображениями медведей.

Рис. 7. Эполетообразная застежка с изображениями пушных зверей.

6. Эполетообразная застежка с изображениями четырех медведей (рис. 6). Приобретена в пос. Мужы в 2004 г., ранее находилась в составе священных вещей хантыйской семьи. Изделие состоит из круглой бляхи и четырех “жгутов”, заканчивающихся крючком; на внутренней стороне петля треугольной формы для крепления к ремню. Общая длина застежки 15 см, диаметр бляхи 8,2–8,7 см. Изделие отлито в двусторонней сложной форме, крючок согнут по длинной оси. Внутренняя сторона шероховатая, видимо, передает структуру материала формы, наружная – гладкая, хорошо отполированная. Фиксируются своеобразные ребра жесткости, одно проходит по окружности бляхи, два описывают петлю и заканчиваются на “жгутах”. Вдоль края бляхи с внутренней стороны образована закраина.

Композиция представляет собой изображения четырех медвежьих голов, уложенных между передни-

ми лапами, вокруг семигранного умбона, обведенного валиком. Тщательно переданы круглые небольшие уши, миндалевидные глаза. Когти отделены от остальной лапы двумя желобками. Между изображениями зверей выпуклые фигуры. Композиция обведена псевдовитым кантом. С наружной стороны бляхи по окружности украшена полусферами. Четыре “жгута” сходятся в треугольную фигуру с двумя валиками по бокам.

Поясные застежки с подобным изображением медведя – голова в фас, лежащая между передними лапами, переданная в проекции сверху, – известны в археологических комплексах и среди случайных находок из Западной Сибири, датированных временем около рубежа эр. Наиболее ранние – это комплекс городища (жертвенного места) Усть-Полуй (I в. до н.э.), клад с городища Барсов Городок 1/20 (I–II вв.) и примерно одновременный ему клад с кулайского святилища Барсов Городок-1/9 [Чемякин, 2002, с. 222]. В составе кладов обнаружены: эполетообразная застежка, в центре которой по кругу изображены шесть медведей с головой на лапах [Там же]; поясной крючок, “переделанный в накладку” [Там же, с. 236], с изображениями двух медведей в такой же позе, расположенных друг против друга; поясной крючок в виде последовательно соединенных аналогичного типа изображений медведя и головы лося [Зыков и др., 1994, с. 79]. Еще несколько застежек с изображениями медведя известно среди случайных находок [Чернецов, 1953]. Пожалуй, наибольшее количество эполетообразных застежек об-

наружено на юго-востоке региона: в Айдашинской пещере [Молодин, Бобров, Равнушкин, 1980, табл. 20, 1, 2], Ишимской коллекции [Ермолаев, 1914, табл. 6, 10], фоминских могильниках Верхнего Приобья (7 экз.) [Ширин, 2003]. Самая поздняя по дате изготовления найдена в могильнике Архиерейская Заимка [Финноугры..., 1987]. Время бытования застежек определяется примерно в рамках I в. до н.э. – середины I тыс. н.э. “Первоисточниками” для их создания, скорее всего, послужили прикамские эполетообразные застежки пьяноборского и аазелинского времени и западно-сибирские застежки-крючки. Образ же медведя с головой между лап (медведь в жертвенной позе, медведь в сакральной позе и т.д.) западно-сибирского происхождения. Головы медведей на мужевской застежке и на прямоугольной пряжке с городища Тат-ягун [Гусев, 2004, с. 443, ил. 5, 11] выполнены в единой манере.

Вещи из сборов братьев Истоминых около пос. Шурышкары

Пос. Шурышкары находится на высоком берегу одноименного сора. Сразу за поселком идет высокая неровная терраса, возвышенности которой местное население называет Белой и Черной горами. На пути к ним к сору выходят несколько ручьев. Высокий берег постоянно разрушается и осыпается в воду, так что установить первоначальные очертания памятника и его хронологию уже невозможно. По рассказам местных жителей, ежегодно после схода большой весенней воды на берегу сора находят различные бронзовые и серебряные украшения, костяные наконечники стрел, фрагменты керамики. Ряд вещей был приобретен краеведческими музеями Салехарда, Тобольска, Ханты-Мансийска [Сыркина, 1983; Сокровища Приобья..., 2003]. Ниже мы приводим описание бронзовых изделий, найденных М.Л. и И.Л. Истомиными.

1. **Эполетообразная застежка с изображениями пушных зверей** (рис. 7). Сборы М.Л. Истомина, 1975 г., Белая гора. Застежка состоит из круглой бляхи и четырех “жгутов”, заканчивающихся крючком; на внутренней стороне петля (разломана) для крепления к ремню. Общая длина изделия 18 см, диаметр бляхи 10 см. Застежка отлита в двусторонней сложной форме, крючок согнут по длинной оси. Внутренняя сторона шероховатая, наружная – гладкая, полированная. Фиксируются своеобразные продольные ребра жесткости.

В центре бляхи вокруг выпуклой полусферы изображены три пушных зверька с длинными хвостами, идущие друг за другом в направлении против часовой стрелки, когти лап животных обрамляют полусферу. Фигуры отделаны валиками. Композиция обведена широкой полосой с ребром посередине и двумя псевдовитыми кантами по краям. Такими же кантами обрамлены 16 выпуклых полусфер, расположенных по окружности бляхи. Четыре “жгута” сходятся в сложную композицию: с внешней стороны крючок выполнен в виде головы животного, глаза которого образованы овальными хвостами двух пушных зверей, аналогичных тем, что изображены в центре круглой бляхи (рис. 8).

Застежки из Шурышкар и с Барсовой Горы [Чемякин, 2002, с. 222] сближают размеры, одинаковое количество выпуклых полусфер, “жгутов”, идентичные полосы, окружающие основную композицию. Имеются совпадающие детали и у ряда верхнеобских находок: внешняя сторона крюка в виде головы животного [Ширин, 2003, с. 240], полоса вокруг основной композиции [Там же, с. 256]; “шагающие” фигурки зверей на застежке и бронзовой прямоугольной бляшке [Там же, с. 250].

2. **Объемное навершие (или подвеска) в виде двух медведей** (рис. 9). Найдено в 1984 г. при вска-

Рис. 8. Изображение головы животного – внешняя сторона крючка застежки.

Рис. 9. Объемное навершие (или подвеска) в виде двух медведей.

пывании огорода в пос. Шурышкар. Изделие размером 5,4×6,9 см отлито в двусторонней форме с сердечником, полированное. Животные показаны сидящими друг против друга и упирающимися лапами и мордами в вертикальную конструкцию бутылочной формы с отверстием в центральной части. У медведей крупные округлые ноздри, переданные углублениями, большие каплевидные глаза с круглым выпуклым зрачком. Вдоль линии скулы идет псевдовитой кант, продолжающийся по передним лапам. Фигурки украшены рельефными валиками: на плечах и передних лапах они расположены поперек туловища, на туловище – продольно. Нижние части лап с четырьмя мощными когтями как бы отчеркнуты полулунными углублениями.

Похожий сюжет с двумя сидящими животными представлен на плоском навершии кресала X–XII вв. из могильника Сайгатинского I [Зыков и др., 1994, с. 89, № 99] и объемном навершии кресала X–XI вв.

Рис. 10. Фигурка хищной птицы.

из погр. 77 Сайгатинского VI [Древние бронзы..., 2000, № 14].

3. **Фигурка хищной птицы** (рис. 10). Сборы М.Л. Истомина, 1988 г., первый на запад от поселка ручей, впадающий в сор. Размеры изделия $6,3 \times 3,5$ см. Фигурка представляет собой литейный брак – при изготовлении недолиты часть крыльев и хвост. Голова выполнена в высоком рельефе. Грудь по длинной оси оформлена двумя сходящимися под углом гранями. Крылья орнаментированы узкими полосками с подтреугольными углублениями. Внизу фигурки “жемчужина”, обведенная желобком.

Изображение птицы в фас с распахнутыми крыльями – сюжет, часто встречающийся в бронзовой пластике Приобья начиная с усть-полуйского времени (см., напр.: [Усть-Полуй..., 2003, с. 22]). Птица, стоящая на медведе, также изображалась в фас с распахнутыми крыльями, и под личиной на ее груди обычно был обрисован круг. Наиболее часто такая иконография орнитоморфных фигур встречается в эпоху раннего средневековья [Зыков, Федорова, 2001, с. 104]. После VI–VIII вв. в этой позе изображаются только ночные хищники – совы и филины.

4. **Фигурка животного в рамке** (рис. 11). Сборы М.Л. Истомина, 1988 г., первый на запад от поселка ручей, впадающий в сор. Размеры изделия $9,3 \times 2,2$ см. Вытянутая стилизованная фигура животного в распластанной позе вписана в овальную рамку с зауженными концами так, что голова сливается с одним узким концом, хвост упирается в другой, а лапы – в длинные стороны. По рамке и поперек хвоста нанесены резкие углубления, вдоль хребта цепочка глубоких овальных углублений, от которых отходят штрихи-желобки, имитирующие ребра (?). На плос-

Рис. 11. Фигурка животного в рамке.

Рис. 12. Плоская фигурка рыбки.

кой, переданной в проекции сверху голове показаны большие овальные глаза. Видовая принадлежность изображения затруднена.

Плоские отливки животных в овальных рамках изредка встречаются на памятниках Урала и Западной Сибири. На подвеске из могильника Сайгатинского IV изображен медведь в распластанной позе, который лапами упирается в рамку, образованную двумя вытянутыми, стилизованными до полной неузнаваемости зооморфными фигурами [Древние бронзы..., 2000, № 16]. Смыкающиеся пасти позволяют увидеть в них некоторое сходство с изображениями животных, фланкирующими антропоморфные фигуры и личины (см. выше). Находка из с. Висим [Оборин, Чагин, 1988, с. 86], возможно, представляет собой тот же образ, но еще более далекий от реального прототипа. Своеобразные изображения медведя в распластанной позе часто принимают за фигуру лягушки – они действительно похожи, если не обращать внимание на уши и ноздри. Обе упомянутые отливки вряд ли можно считать аналогичными шурышкарской. При раскопках могильника Барсовского I (Барсов Городок) обнаружена зооморфная фигурка, изображающая выдру или бобра в проекции сверху [Зыков и др., 1994, с. 84]. Так же, как и на шурышкарской, у нее поперечные нарезки на хвосте, крупные глаза переданы овальными углублениями, вдоль хребта – кант из “перлов”, от которого отходят “ребра”. Эта находка происходит из комплекса VIII–IX вв. [Там же, с. 135]. Распластанная фигурка бобра в овальной рамке была найдена в 2001 г. при раскопках городка Эмдер [Зыков, Кокшаров, 2003, с. 129].

5. **Плоская фигурка рыбки** (рис. 12). Сборы М.Л. Истомина, 1988 г., первый на запад от поселка

ручей, впадающий в сор. Изделие размером $7 \times 1,4$ см отлито из белой бронзы, с оборотной стороны в районе хвоста заметны остатки металла в литнике. Голова гладкая, заостренная, выпуклый глаз обведен овальным желобком. Туловище украшено орнаментом в виде ветви с рельефными серповидными листьями, хвост – серповидными ложбинками. Он частично обломан.

Плоские подвески-рыбки XIII–XIV вв. известны по материалам раскопок могильника Сайгатинского III [Зыков и др., 1994, с. 98, № 151–153].

6. Антропоморфное изображение (рис. 13). Сборы М.Л. Истомина, 2003 г., первый на запад от поселка ручей, впадающий в сор. Размеры изделия $8,2 \times 2,1$ см. Отлито в плоской двусторонней форме, фиксируется литейный брак – недолита нижняя часть фигурки. Голова и одна нога обломаны. С оборота отлита петелька для прикрепления. Антропоморфный персонаж изображен в позе, характерной для западно-сибирских отливок I тыс. н.э., – в фас, руки сложены внизу живота, ноги поставлены носками внутрь. На голове персонажа конический головной убор (шлем?) с нащечными пластинами (?), орнаментированный “елочкой”. Крупные миндалевидные глаза поставлены вкось, лицо овальное с выраженным подбородком. На туловище выделяются оплечья, какие-то конструктивные детали доспеха в области паха, признак пола. По-видимому, фигура была заключена в рамку, от которой сохранились только фрагменты.

Несмотря на соблюдение канонической позы и некоторые характерные для фигур этого типа реалии, данное изображение достаточно оригинально. Раскосые, “монголоидные” глаза зафиксированы еще у двух антропоморфных изображений эпохи средневековья: у бронзовой фигурки с р. Сыня [Тыликова, Бауло, 2001, с. 129, рис. 3] и у изображения т.н. кузнеца из погр. 10 могильника Зеленый Яр (р. Полуй). Высокие конические шлемы на головах фигурок встречаются с кулайского времени (см., напр.: [Зыков, Федорова, 2001, с. 127, рис. 20, 1]). Оригинальной чертой изображения является орнамент “елочка”. Подобным образом украшен шлем у личины из Парабельской коллекции [Там же, рис. 20, 2]. Несмотря на это сходство по редкому признаку, иконография антропоморфного изображения из Шурышкар свидетельствует о том, что оно гораздо более позднее по сравнению с парабельской личиной. Все признаки – поза, положение рук, глаза, изображение реалий – характерны для изделий VIII–IX вв. [Зыков и др., 1994, с. 81–82]. Надо отметить некоторые специфические черты, встреченные только у изображений, найденных на западе Нижнего Приобья, – руки, сложенные на уровне груди, а не внизу живота, как обычно, и раскосые глаза.

С.В. Ивановым опубликовано изображение предка одной из ненецких семей, проживавших в районе

Рис. 13. Антропоморфное изображение.

Рис. 14. Навершие биметаллического кресала с изображением двух животных.

Тазовской губы. Внутри миниатюрной куртки с рукавами находилась бронзовая антропоморфная фигурка длиной 9 см [Иванов, 1970, с. 86, рис. 75]. Судя по не очень качественной фотографии, она аналогична шурышкарской.

7. Навершие биметаллического кресала с изображением двух животных (рис. 14). Сборы М.Л. Истомина, 2003 г., первый ручей к западу от поселка, впадающий в сор. Изделие размером $6,4 \times 4$ см отлито в двусторонней форме. Сохранился фрагмент собственно железного кресала. Бронзовое навершие

Рис. 15. Зооморфная фигурка – подвеска.

Рис. 16. Зооморфная подвеска.

Рис. 17. Ложка.

выполнено в виде фигур двух животных с запрокинутыми на спину головами, поджатыми под живот когтистыми лапами и с короткими хвостами. Глаза крупные, каплевидной формы, с круглыми зрачками; также каплевидными углублениями обозначены ноздри, такой же формы картуши украшают бедра, вдоль спины резкие поперечные валики.

Навершия плоских биметаллических кресал широко представлены на археологических памятниках X–XII вв. на северо-востоке Европы, в т.ч. в Новгородской, Псковской обл., в Приладожье, Поволжье, Прикамье; а также на Урале и в Западной Сибири [Арне, 2002, с. 95; Белавин, 2000, с. 159–160; Зыков и др., 1994, с. 89–90; и др.]. Навершия с изображениями двух животных, опирающихся на некую фигуру, расположенную между ними, неоднократно встречены в археологических комплексах Западной Сибири X–XIII вв. [Зыков и др., 1994, с. 89–90].

8. Подвеска в виде зооморфной фигурки (рис. 15). Найдена М.Л. Истоминным в 2003 г. на берегу Шурышкарского сора, около Белой горы. Размеры изделия $3,8 \times 3,2$ см. Отлито в двусторонней форме с сердечником, полированное. Подвеска выполнена в виде фигурки зверя, стоящего на плоском основании, орнаментированном полоской “жемчужин”. Показана открытая пасть, глаза переданы округлым желобком, абрис туловища подчеркнут углубленным контуром. Зверь упирается в основание мордой, всеми четырьмя лапами и хвостом (?). На спине имеется полая трубочка для подвешивания с поперечным ребром посередине.

Зооморфные подвески – один из наиболее характерных типов украшений, встречающихся в археологических комплексах Западной Сибири X–XII вв. [Там же, с. 95–96; и др.].

9. Зооморфная подвеска (рис. 16). Найдена И.Л. Истоминным на берегу Шурышкарского сора. Длина изделия 6,3 см, высота 3,2, толщина 1,9 см. Отлито в двусторонней форме с сердечником, полированное. Подвеска выполнена в виде стилизованного изображения зверя, стоящего на плоском основании, орнаментированном косыми насечками. Голова животного трудноразличима, лапы подогнуты, хвост длинный. В спине фигурки имеется круглое отверстие.

Подобные подвески широко распространены в археологических комплексах XIII–XIV вв., в т.ч. могильника Сайгатинского III [Там же, с. 96, № 140].

10. Ложка (рис. 17). Найдена И.Л. Истоминным на берегу Шурышкарского сора. Длина ложки 10,8 см, ширина рукоятки 1,3 см, размеры черпака $5,1 \times 3,9$ см. Отлита из белой бронзы, полированная. Рукоятка прямоугольная, с отверстием в верхней части, украшена зигзагообразными валиками. Черпак овальной формы, расположен длинной стороной перпендикулярно рукоятке.

Бронзовая ложка с черпаком подобной формы хранится в фондах краеведческого музея пос. Мужы, еще одна была встречена в составе культовых атрибутов ханта А.А. Алябы в пос. Вершина Войкара (р. Войкар) в 2001 г. Деревянные ложки подобной формы, датируемые XIII–XIV вв., обнаружены в могильнике Сайгатинском III [Там же, с. 77].

Заключение

Авторы надеются, что введение в научный оборот новых находок поможет сформировать корпус источников по средневековой бронзовой пластике севера Западной Сибири. Это особенно важно для северо-западной части региона, т.к., с одной стороны, именно здесь пока мало раскопанных археологических памятников, с другой – бронзовая пластика, происходящая преимущественно из случайных сборов, явно имеет специфические черты.

Список литературы

- Арне Т.Й.** Культура Западной Сибири 1000 лет назад // Барсова гора: 110 лет археологических исследований. – Сургут: МУ ИКНЦП «Барсова Гора», 2002. – С. 86–96.
- Бауло А.В.** Древний металл из святилищ обских угров (новые находки) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 2. – С. 144–155.
- Бауло А.В.** Домашние (семейные) святилища северных хантов // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 1. – С. 89–101.
- Белавин А.М.** Камский торговый путь: Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. – Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2000. – 200 с.
- Гусев С.А.** Итоги археологической разведки 2003 г. в бассейне р. Тляттыгуна (окрестности д. Русскинской Сургутского района ХМАО) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2004. – Вып. 2. – С. 436–448.
- Древние бронзы Оби:** Коллекция бронз IX–XII вв. из собрания Сургутского художественного музея. – Сургут: Изд-во Сургут. худож. музея, 2000.
- Ермолаев А.П.** Ишимская коллекция: описание коллекций Красноярского музея. Отдел археологический. – Красноярск: [Б.и.], 1914. – Вып. 1. – 19 с.
- Зыков А.П., Кокшаров С.Ф.** Итоги изучения Эмдера в 2001 г. // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2003. – Вып. 1. – С. 111–136.
- Зыков А.П., Кокшаров С.Ф., Терехова Л.М., Федорова Н.В.** Угорское наследие: Древности Западной Сибири из собраний Уральского университета. – Екатеринбург: Внешторгиздат, 1994. – 159 с.
- Зыков А.П., Федорова Н.В.** Холмогорский клад: Коллекция древностей III–IV веков из собрания Сургутского художественного музея. – Екатеринбург: Сократ, 2001. – 176 с.
- Иванов С.В.** Скульптура народов Севера Сибири XIX – первой половины XX в. – Л.: Наука, 1970. – 296 с.
- Молодин В.И., Бобров В.В., Равнушкин В.Н.** Айдашинская пещера. – Новосибирск: Наука, 1980. – 208 с.
- Мошинская В.И.** Материальная культура Усть-Полуя // МИА. – 1953. – № 35. – С. 72–106.
- Оборин В.А., Чагин Г.Н.** Чудские древности Рифея: Пермский звериный стиль. – Пермь: Кн. изд-во, 1988. – 184 с.
- Сокровища Приобья.** – СПб.: Гос. Эрмитаж, 1996. – 228 с.
- Сокровища Приобья:** Западная Сибирь на торговых путях средневековья: Каталог выставки. – Салехард; СПб.: [Б.и.], 2003. – 96 с.
- Сыркина И.А.** Клад с городища Лорвож (XII в.) // СА. – 1983. – № 4. – С. 182–198.
- Тыликова Е.И., Бауло А.В.** Древности Нижнего Приобья в фондах Овгортского краеведческого музея // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 1. – С. 127–134.
- Усть-Полуй.** I в. до н.э.: Каталог выставки. – Салехард; СПб.: Изд-во МАЭ РАН, 2003. – 76 с.
- Финно-угры и балты в эпоху средневековья.** – М.: Наука, 1987. – 512 с.
- Хантыйский этнографический музей** г. Лянтор. – Сургут: Диорит, 1997. – 7 с.
- Чернецов В.Н.** Бронза усть-полуйского времени // МИА. – 1953. – № 35. – С. 121–178.
- Чернецов В.Н.** Нижнее Приобье в I тыс. н.э. // МИА. – 1957. – № 58. – С. 136–246.
- Чемякин Ю.П.** Бронзовая пластика раннего железного века с Барсовой Горы // Вопр. археологии Урала. – 2002. – Вып. 24.
- Ширин Ю.В.** Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тысячелетия н.э. (погребальные памятники фоминской культуры). – Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2003. – 288 с.

Материал поступил в редколлегию 10.02.05 г.

УДК 947:940.1+630.561.1.24

В.С. Мыглан, Е.А. Ваганов*Институт леса им. В.Н. Сукачева СО РАН
Академгородок, Красноярск, 660036, Россия
E-mail: Institute@forest.akadem.ru*

ЭПИДЕМИИ И ЭПИЗООТИИ В СИБИРИ В XVII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА И ДЛИТЕЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ КЛИМАТА*

Введение

В трудах таких известных историков, как С.В. Бахрушин [1955, 1957], О.Н. Вилков [1990], И.С. Гурвич [1966], Б.О. Долгих [1960], В.И. Шунков [1956] и др., подробно освещены политические, экономические и прочие аспекты присоединения Сибири к Российскому государству; вопросы, связанные с оценкой последствий включения этого региона в состав России, до сих пор в значительной степени остаются дискуссионными. Так, несмотря на то, что в работах ряда историков [Долгих, 1960; Гурвич, 1966] и публицистов [Зензинов, 2001] говорится об отрицательном воздействии эпидемий на коренное население Сибири в XVII–XIX вв., причины и последствия инфекционных заболеваний не получили широкого освещения (лишь одна статья посвящена этой проблеме [Скобелев, 2002]).

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 00-01-00-267а (2000–2003) “Влияние изменений климата на освоение территорий и хозяйственную деятельность населения Сибири за последние полтысячелетия”, и гранта Президента РФ для поддержки ведущих научных школ № НШ-2108.2003.4.

Авторы выражают признательность сотрудникам Красноярского краевого краеведческого музея и Государственной универсальной научной библиотеки Красноярского края, Государственного учреждения Тюменской обл. “Государственный архив в г. Тобольске” за оказанную помощь.

Материалы и методы

Основой для проводимого исследования послужили опубликованные работы и архивные материалы по истории Сибири; из них были почерпнуты сведения о времени появления (с точностью до года) того или иного вида эпидемического заболевания, а также о последствиях вспышек этих заболеваний. Работа охватывает территорию Сибири от Урала на западе до Тихого океана на востоке, за исключением южных степных районов.

Основная задача исследования – выявление связи между частотой эпидемий и эпизоотий и климатическими изменениями – решалась путем проведения верификации и пространственно-временного анализа собранной исторической информации с последующим сопоставлением с косвенными климатическими данными. В ходе работы впервые были привлечены дендрохронологические шкалы. Деревья, растущие на границе своего ареала (субарктика, высокогорье), очень чувствительны к изменениям летнего тепла. Радиальный прирост ствола (или ширина годичного кольца), отражая динамику температуры летних месяцев, позволяет надежно определять летние (июнь – июль) температуры за длительный промежуток времени [Ваганов, Шиятов, Мазепа, 1996]. В процессе исследования нами привлекались нормированные дендрохронологические ряды, построенные по данным, относящимся к северу Сибири и Алтае-Саянской горной стране [Наурзбаев, Сидорова, Ваганов, 2001; Овчинников, Панюшкина, Адаменко, 2002; Сидорова, Наурзбаев, 2002], и характеризующие длительные изменения температуры на севере Евразии.